

Историко-культурная общность российских и западных ногайцев

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/LC.2020.016>

Ногаеведение – наука, занимающаяся изучением истории и культуры ногаев, современного 103-х тысячного народа России, имеющего многочисленные общности в государствах Евразии, достаточно сохранившие этнокультурную идентичность. В силу малочисленности, дисперсной расселенности современных ногаев, отсутствия собственных национально-территориальных образований в России, других объективных и субъективных факторов история и культура народа должным образом не освещается в современном востоковедении, тюркологии. Такую ситуацию призвана исправить в том числе и учрежденная четыре года назад постоянная Международная научно-практическая конференция „Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему”, организаторами которой выступили Федеральная национально-культурная автономия ногайцев России, при содействии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований и Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева. В г. Черкесске прошли уже три конференции, собравшие сотни ученых разных стран, разрабатывающих ногаеведческие темы. Одним из открытий этой конференции стало новое направление, связанное с изучением истории взаимоотношений ногаев с Великим Княжеством Литовским, Речью Посполитой, а также с историей причерноморских, приазовских ногаев. И это – благодаря Вильнюсскому университету, Институту востоковедения им. Крымского, Институту украинской археографии и источниковедения им. Грушевского НАН Украины, в лице наших коллег: доктора гуманитарных наук Галины Мишкинене, историков Владислава Грибовского, Ярослава Пилипчака (Miřkiniene 2016: 41–46; Pilipczuk 2016: 63–66; Gribowskij 2016: 92–102).

---

* Насипхан Хусиновна Сууюнова

Доктор филологических наук, зав. Ногайским отделом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований г. Черкесск, Россия.

E-mail: soyunen@yandex.ru | ORCID: 0000-0001-5242-9261.

Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая несколько столетий назад стали новой родиной для наших далеких предков, выходцев из Золотой Орды, Ногайской Орды, Крымского ханства.

История взаимоотношений конкретно ногаев с Великим Княжеством Литовским уже с XIV века и в последующие столетия по ряду причин относится к малоизученным проблемам. Одной из главных причин, на наш взгляд, является исторически обусловленное название *литовские татары*. Хотя в научном мире есть понимание того, что оно означает предков не только современных татар, но и всех тюрков-мусульман, поселившихся в средние века в Великом Княжестве Литовском, все же, этот собирательный этноним способствует вытеснению на периферию научного внимания важных исторических фактов. Прежде всего потому, что исследователям приходится иметь дело с громоздким по объему, разновременным, разнородным (и географически и событийно) историческим материалом, который в контексте этой проблемы достаточно сложно обозреть, выстраивать хронологии, соблюсти логику, не потеряв причинно-следственных связей. Научный поиск облегчило бы использование в исследованиях известных к тому времени *самоназваний* народов, особенно тех, которые в своей истории создали крупные государственные образования, под которыми они зафиксированы в исторических источниках того времени. Дифференцированно, параллельно, а значит и плодотворно изучалась бы при этом, в частности, история их взаимоотношений с ВКЛ, и на перекрестках научных поисков при сопоставлении результатов исследований создавалась бы выверенная картина объективной истории взаимоотношений тюркских народов с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой.

Ногайская Орда – крупнейшее постзолотоордынское государство (Триераўлов 2001), население которого *ногаи* так и зафиксированы в исторических источниках, хотя достаточно случаев обозначения их как *ногайских татар* и просто *татар*. Этот народ существует и ныне, однако события своей исторической летописи, деятельность исторических личностей зачастую видит отнесенными к истории татар, казахов, киргизов... Хотя государственность, обширная территория, средневековая столица Сарайчик, дипломатические отношения с евразийскими странами, военная организация, исторический в своей основе ногайский героический эпос, широко распространившийся в Великой степи и ставший общим достоянием для многих тюрков, ногайский язык – современный живой, входящий в ногайско-кипчакскую подгруппу кипчакской группы тюркских языков, литература, искусство и т.д. – это более чем достаточные основания для большей, чем есть, дифференциации этнической истории ногайцев. Историко-культурная общность российских и западных ногайцев, сложившаяся в контексте исторических контактов народа с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой, в формате постановки проблемы – в основе настоящей статьи, в том объеме и той степени, которые позволяют сведения из имеющихся источников.

Итак, источники свидетельствуют о том, что „дипломатические отношения между Великим Княжеством Литовским и Ногайской Ордой были установлены в 1503 г. Активное взаимодействие между этими государствами можно отнести к 30–40-м годам XVI в.” (см. Downar-Zapolskij 1898). „В 1504 г. в Ногайскую Орду прибывает миссия от великого князя литовского Александра Казимировича” (Триераўлов 2001: 164). Однако, еще задолго до установления официальных контактов и после этого наблюдалась активная миграция ордынского населения на территорию ВКЛ, в первую очередь

потому, что „... литовское правительство усердно ищет союзников в татарских ханствах – в Перекопе, Казани и Ногаях” (Downar-Zapolskij 1898: 6), обеспечивая им самые комфортные условия. И те целыми улусами нанимались на военную службу, а было, что бежали от смут, искали спокойное пристанище.

Добровольных переселенцев из числа ордынской знати – ногайских биев и мурз, ордынских воинов – привлекала возможность сохранения своих титулов, вероисповедания, традиций, права владеть крестьянами (Dumin et al. 2016: 309–325).

Известный русский тюрколог Антон Мухлинский писал:

История Великого княжества Литовского представляет необыкновенное событие. Когда вся Европа вооружилась мечом и ненавистью против мусульман, тогда благоразумная политика государей литовских с любовью и гостеприимством приглашала в свои владения татар, которые принуждены были от стечения разных обстоятельств оставлять свою родину и добровольно переселялись в Литву. Здесь-то именно мудрая предусмотрительность литовских государей наделяла татар землями, покровительствовала их вере и впоследствии сравняла их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов... (Muchlinskij 1857).

Именно этим объясняется переселение в Литву ногайской знати – биев и мурз. В указанной публикации историков Станислава Думина, Владимира Волкова, Жаксылыка Сабитова отмечается, что

источники XVI века прямо подтверждают родство знатных литовско-татарских родов с ордынскими знатными фамилиями, например, князей Бахтияровичей Сеитов с ногайскими князьями из рода мангыт, эмира Идегея (их потомки литовские князья Булат-Тупальские), как и прочие потомки Идегея, употребляли титул *сеитов* и сохраняли его в названии герба (Dumin et al. 2016: 310).

Род *сеитов* и поныне среди ногайцев России причисляется к избранным, восходящим к святым. Местом поклонения и ныне считается святой мавзолеей Сеит-Баба под Астраханью. Представленный в процитированной и ряде других работ указанных авторов материал по этногенезу литовских татар, направленный на выявление реальных, а не легендарных корней этой этнической группы, показывает, что среди переселенцев „были выходцы из Большой Заволжской Орды, из Крыма, ногайских племен”, что на „происхождение литовских татар от разных групп ногайцев указывают письменные источники” (S. Dumin).

Исследование родословных преданий переселенцев, *шежере*, также может оказать содействие в научном поиске. Сами тюрки Литвы и Польши, помня семейные предания, руководствуются этими сведениями для самоидентификации в наше время. Пример того – известный польский писатель Ежи Эдигей (Корицкий), взявший звучный псевдоним в честь своего знаменитого предка – ногайского бия. Другой польский писатель Генрих Сенкевич, тюрко-мусульманин по происхождению, автор исторических романов (*Потоп*, *Крестоносцы*) художественно отобразил тюрко-польско-литовское союзничество в своих произведениях.

Известно, что тысячи воинов из Ногайской Орды в составе объединенных сил выступили против тевтонских рыцарей в ходе Грюнвальдской битвы в 1410 году. Литовский князь Свидригайло в 1430–1432 гг. собрал около 3000 татар и ногаев для

службы в своей армии, а польский король Сигизмунд II в 1559 году пригласил ногаев кочевать на польские земли. Затем, в 1683 году, был поход на Вену.

Даже этот перечень известных свидетельств, которые в совокупности с другими, наверняка имеющимися источниками, следует специально исследовать, демонстрирует наличие многовековой исторической связи ногаев с Великим Княжеством Литовским, подтверждая генетическое родство предков ногаев и литовских татар.

На фоне таких исторических связей естественно и духовно-культурное взаимодействие. Вопрос языка здесь приоритетный. Общеизвестно, что он утрачен тюрками Литвы, однако, исследование образцов письменной и устной речи так называемой группы *литка* (части литовских тюрков, еще до утраты родного языка, в XVI веке переселившихся из ВКЛ в современный румынский регион Добруджа) позволило таким ученым, как Ананьяш Зайончковский, Владзимеж Зайончковский, Хенрик Янковский, Энвер Махмут, Эгдем Тенишев и др. сделать интересные выводы. В указанной выше статье Г. Мишкинене, приводит вывод академика Э. Тенишева о том, что язык татар Добруджи несомненно принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков, а именно, что это – „татарский язык ногайского типа, с заметной примесью турецких или крымско-татарских элементов”. Анализ фонетических особенностей и морфологии ряда близких языков позволил Э. Тенишеву согласиться с выводом ученого-ногаевода Юмава Каракаева о том, что „язык тюркского населения Добруджи близко стоит к акногайскому диалекту, но по дополнительным признакам (примеси турецких элементов) ближе всего он находится к крымско-ногайскому диалекту” (Miškinienė 2016: 44). Анализ языка фольклорных текстов, записанных у современных добруджинских тюрков, в сравнении с языком российских ногайцев, называющих себя ногаями, доказывает вышеприведенные утверждения. Более того, в тексте самого эпоса содержится указание на этническую принадлежность румынских тюрков, называющих себя ногаями (Edege 1988: 15–67).

Перспективу для поиска, несомненно, откроет и исследование многожанрового фольклорного наследия тюрков Литвы. Пример того, что „старые связи славянского и тюркского населения Евразии отображены в фольклоре донских казаков, которые издавна общались с кочевыми соседями” (Гіерawłow 2001: 32) – не единственный. В русском фольклоре – сюжеты ногайских эпических поэм получают новую жизнь. О близком сходстве на уровне сюжета, образной системы и поэтики *Слова о полку Игореве* и ногайской исторической поэмы *Адил-Солтан* пишет в своем эссе *Половецкое прочтение „Слова о полку Игореве”* Иса Капаев (Карајев 2008: 484–505). Известно, к примеру, что Николая Гоголя интересовала не только история Украины, ее фольклор, но и средневековая история соседей – восточных народов южнорусских степей. На этом фоне неслучайным видится сходство сюжета из жизни ногайского поэта-воина XVI века Досмамбета Азаулы (Азовского), убившего одного из двух своих сыновей в бою, когда возвращался ночью за случайно оброненной *камчой* – плеткой, символом мужской чести. То же – в *Тарасе Бульбе*, только герой возвращается за оброненной люлькой-трубкой, но также убивает одного из своих двоих сыновей.

Исследование рукописного наследия литовских татар, в которых зафиксированы фольклорные тексты, агиографическая литература, специальное внимание к темам, мотивам, сюжетам, а также изучение произведений литовской, польской, белорусской, украинской литератур, в которых отразилось влияние этих памятников – все это,

пожалуй, отнесем пока к ожидаемым результатам будущих научных исследований. И отрадно, что Вильнюсский университет, в стенах которого развивается такая важная научная субдисциплина, как *китабистика*, решает фундаментальную задачу, обеспечивая базой такого рода исследования.

Поскольку вероисповедание, религия сохранились на сегодняшний день среди тюрков Литвы как единственный этноидентифицирующий фактор, следует на этом духовно-культурном поле также проводить компаративистские исследования. Уже предварительное знакомство с образцами текстов религиозной письменности литовских тюрков и современных ногайцев (у обеих групп они называются *китабами*) позволяет прийти к интересным выводам. Настолько идентичны они по названиям, содержанию, по истории бытования и по функции. Практика народных гаданий, знахарства, также до сих пор применяющаяся среди российских ногайцев, полностью совпадает с соответствующей практикой литовских тюрков.

Хамаилы (ног. – *амаилы*) – это молитвенники, которые надлежало носить с собой. В ногайском фольклоре, в эпосе *Эдиге*, присутствует эта культовая вещь, как защита для героя. Также, как и у литовских тюрков, у ногайцев есть *молла амаил* – молитвенник муллы и *балшы амаил* – молитвенник знахаря, гадалки. Литовско-тюркское *фалджей* у ногайцев – *балшы*, так как корень – *фал* – по причине отсутствия у ногаев звука *ф* произносится как *бал*. Литовско-тюркское *далавары*, грамотки для нательного ношения у ногаев называется *дуалар*, и они также выписываются *балшы* (фалжеем) с позитивным назначением: для ношения с целью исцеления, отведения злого влияния и т.д. Также *дуа* могут выписываться муллой для путника, перед дорогой, как оберег от несчастий. Таким же образом, как у литовских тюрков, у ногайцев эта бумажная лента с письменами компактно складывается в чехол, вешается на шею или прикалывается булавкой к одежде. У ногайцев также были широко распространены лечебные тексты *нускалар*, (*нюски* – у литовских тюрков). В соответствии с ними *балшы* – *ускирувши* дуновением и плевками избавляет человека от недуга. Так же действует *сюфкач* у литовских тюрков.

Все эти доисламские культовые элементы вращались в практику поздних, уже мусульманских религиозных отправлений, смешивались с ними, потому сохранялись, укреплялись и уже не всегда можно было разграничить, что от ислама, а что нет. В наши дни, когда снят запрет на исповедание веры, когда свободно отправляются соответствующие культы, конечно же, не приветствуется увлечение этими доисламскими культами в чистом виде и они категорически выводятся за рамки религиозной практики и дозволений истинной веры. Однако, интерес к накопленным представлениям и понятию сохраняется, но только как к проявлению традиционного мировидения и мироощущения.

Представляет немалый интерес то, что, развиваясь параллельно в общинах литовских тюрков и российских ногайцев, в условиях абсолютной изоляции, они сохранили такой степени идентичность.

Такая же связь, несомненно, существует и в обычаях, традициях, прямо не связанных с доисламскими и мусульманскими культами. Одна из традиций, под названием *талака*, известно, существует у белорусских тюрков и современных ногайцев. Так говорят в обеих общинах, когда всем миром придут помочь построить дом или выполнить другую объемную работу добрые соседи. Или *тилек* – собрание общины,

с целью произнесения коллективного благопожелания в связи с событием позитивного содержания.

Интерес к истории и культуре малочисленных, в частности, тюркских, народов Литвы, Польши и Беларуси несомненно порождает новые контексты, вызывает потребность в новых научных исследованиях, в том числе междисциплинарных. Интерес к теме будет сохраняться еще и постольку, поскольку вопрос исторического, духовно-культурного выживания нацменьшинств в глобальном мире ныне, как никогда, актуален.

Библиография

- Gribowski, Władisław 2016. „Zamietki o putieszestwii na Jug Rossii s 1822 po 1823 gg. Daniela Schlattera kak istocznik po istorii priazowskich nogajcew”. W: *Matieriały Wtoroj mieźdunarodnoj konfierencyi „Nogajcy: XXI wiek. Istorija. Jazyk. Kultura. Ot istokow – k griaduszczemu”*. Czerkiesk: Nartizdat.
- Downar-Zapolskij, Mitrafan 1898. *Łytowskiia upomynky tatarskym ordam. Skarbowaja knyha metryky łytowskoj 1502–1509*. Symferopol: Typografia Spyro.
- Dumin, Stanisław [&] Władimir Wołkow [&] Żaksyłyk Sabitow 2016. „Etnogienieticzeskije swiazi litowskich tatar: istoriczeskije korni litowsko-tatarskiego dworianstwa”. *Zołotoordynskaja cywilizacyja* 9: 309–325.
- Edege, Batir/Mahmut 1988. „Enver ve Nedret. Bozcigit”. W: *Dobruca Tatar Masallari*. Birinci Kitap, Bucuresti: Kriterion Kitap Uji.
- Kapajew, Isa 2008. *Biessmiertnaja stiep’: istoriczeskije essie*. Astana: Audarma.
- Mișkiniene, Galina 2016. „Litowskije tatory: k istorii pojawlenija i prożywanija w WKŁ (kultura, jazyk, istoriczeskije kontakty w kontiektstie nogajskoj kultury)”. W: *Matieriały Wtoroj mieźdunarodnoj konfierencyi „Nogajcy: XXI wiek. Istorija. Jazyk. Kultura. Ot istokow – k griaduszczemu”*. Czerkiesk: Nartizdat.
- Muchlinskij, Anton 1857. *Issledowanije o proischoźdienii i sostojanii litowskich tatar*. Sankt-Petersburg: W tipografii Eduarda Weimara.
- Pilipczuk, Jarosław 2016. „Wzaimootnoszenija nogajcew s Wielikim Kniaźestwom Litowskimi Rieczju Pospolitoj”. W: *Matieriały Wtoroj mieźdunarodnoj konfierencyi „Nogajcy: XXI wiek. Istorija. Jazyk. Kultura. Ot istokow – k griaduszczemu”*. Czerkiesk: Nartizdat.
- Triepawłow, Wadim 2001. *Istorija Nogajskoj ordy*. Moskwa: Wostocznaja Litieratura.